

УДК 34.01, 347.6

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЦЕПЦИИ И ИНЫХ ФОРМ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ СООТНОШЕНИЕ (В СВЕТЕ РЕФОРМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА)

Ахрамева О. В.

Юридический институт ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Постоянное реформирование законодательства основывается на использовании как современного иностранного законодательства, так и достижений дореволюционной и советской правовой мысли. Однако как именно происходит это использование: полностью ли переносится интересующая норма права или в измененном виде?

Основной акцент автор делает на классическую, часто употребляемую в юридической доктрине форму заимствования – рецепцию. Однако проводя сравнительный этимологический анализ этой категории, историю ее возникновения и семантику этого понятия, автор приходит к выводу, что изначально заложенное в рецепцию содержание не соответствует современным формам заимствования. В связи с чем сравнивает эти формы и предлагает последовательность форм заимствования от менее содержательной к более содержательной форме, которая отражает современное содержание заложенных в них процессах переноса иностранных норм в законодательство-реципиент. Кроме этимологического и семантического анализов, автор обращает внимание, что наиболее эффективным является лишь тот способ, который учитывает становление исконной правовой традиции и культуры и не противоречит им.

В подтверждение этому приводится анализ последнего реформирования отечественного наследственного права.

Ключевые слова: заимствование, рецепция, введение, принятие, адаптация, восприятие, воспроизведение, приспособление, копирование, унификация, гармонизация, наследование.

Развитие права всегда основано на отношениях между публично-правовыми образованиями, начиная с отдельных племен и заканчивая государствами и надгосударственными образованиями. Одно из последствий такого взаимодействия – это использование достижений других стран в правовом регулировании для обеспечения баланса интересов не только частных лиц, но и государств. Этот баланс и согласованность межгосударственных и межличностных интересов реализуется различными способами заимствования норм из актов других государств, такими как унификация, рецепция, гармонизация, введение, принятие, адаптация, восприятие, воспроизведение, приспособление, копирование правовых норм.

Причем наиболее традиционный способ формирования законодательства, известный в юридической доктрине, рецепция, причем «рецепция римского права». Основная его характеристика заключается именно в перенесении норм римского права в законодательство-реципиент. Однако всегда ли этот способ был именно в виде переноса, неадаптированного внесения иностранной (римской) нормы?

Влияние римского права после разрушения одноименной империи на европейские государства не было столь всеобщим, как это представляется ввиду его значимости для всей юридической науки. Однако исследователи все же отмечают, что в средние века проходил процесс рецепции римского права, но в отношении западно-

европейских государств. Начало этого периода, называемого классической исторической наукой как «Средние века», характеризуется «романизацией провинций и варваризацией Рима», «уровень культуры быстро падал, в то самое время как область римского влияния росла» [46, с. 188]. При этом необходимо отметить, что к этой области влияния и к числу провинций безусловно относятся территории Римской империи, в число которых область древнерусского государства не входила. Это также подтверждает отсутствие прямого влияния римского права на русское право.

На территории же этого влияния, которое охватывает довольно большое пространство (центр Италии и ее юг, где византийская империя поддерживала свое влияние до появления сарацин и норманнов, юго-восточная и северная Франция, север Испании, Германия) выделяют несколько направлений восприятия норм римского права: влияние церкви и влияние римского права на гражданские сделки, ввиду значительного пробела правового регулирования этой сферы варварскими постановлениями.

Новый этап в жизни римского права начинается с конца XI века, когда средневековым европейским обществам потребовалось регулирование складывающихся новых экономических отношений. Это подтолкнуло средневековых юристов обратиться к единственной на тот момент системе совершенного права – римскому праву. Изучение римского права в средневековой Европе и дальнейшее его распространение привели к более содержательному и формальному расцвету римского права, чем непосредственно сам период существования классического римского права.

С началом культурного подъема XI–XII вв. происходит и возрождение римского права, восприятие старых классических, вновь обнаруживаемых и вводимых в юридический и культурный обиход памятников в качестве безусловных образцов правовой прагматики и решения правовых коллизий. С этого периода начинается т. н. рецепция римского права, которая также связана с таким направлением юридической научной деятельности, основанном на формальном методе освоения римского права – глоссирование – проставление пометок на полях кодификации Юстиниана с целью толкования положений римского права, как школа глоссаторов.

Начавшееся с практического изучения и освоения Свода Юстиниана и принципов римского права на основе тщательного изучения источников и свободного толкования норм классического права в дальнейшем уступило точному следованию текстам.

Продолжателями научно-практической рецепции римского права в XIII–XIV вв. стали западноевропейские юристы – комментаторы (постглоссаторы), которые стремились воспроизвести не догмы римского права, а его дух, создавая тем самым догматические конструкции, основанные на классическом римском праве, но прямо ему не известные. Такому новому применению подлежало только то римское право, которое было обработано и утверждено постглоссаторами. А то, что ими было отброшено за древностью – не рассматривалось как римское право.

С другой стороны, само понятие «рецепция» (*receptio* – лат., схватываю, усвояю) никак не связано именно с римским правом и относится к различной трактовке и содержанию восприятия, включения и применения иностранных норм в системе права страны-реципиента. Слово «*гесерсио*» в латинском языке означает «принятие». При этом в различных юридических словарях можно встретить следу-

ющее трактование данной категории: «заимствование чужеземного права» [58, с. 575]; «заимствование и приспособление к условиям какой-либо страны права, выработанного в ином государстве или в предшествующую историческую эпоху» [12, с. 188]; «процесс взаимодействия, заимствования, восприятия какой-либо внутригосударственной правовой системой принципов, институтов, основных черт другой внутригосударственной правовой системы» [55, с. 255].

Имеются доктринальные исследования данной категории, которые рассматривают рецепцию как комплексное явление. И наряду с навязыванием одним обществом своей правовой системы другому также подразумевается и процесс добровольного перенятия юридических явлений, таким образом «рецепция» представляет собой принятие одним государством норм, институтов и идей правовой системы другого государства совместно с процессом внедрения перенятого материала при необходимости и с учетом его адаптации. Приведенный нами подход позволяет провести четкую грань между схожими явлениями и избавляет нас от неизбежного повтора и цикличности определений [27].

Множество определений [13; 16; 25; 31; 42] данной категории можно обобщить следующим образом: восприятие, усвоение, принятие или приспособление к национальной правовой системе тех социальных, культурных, правовых форм, которые возникли в другой стране (в другую эпоху); восприятие (принятие) в национальную правовую систему принципов, институтов, основных черт другой национальной правовой системы. Чаще всего говорят о рецепции римского права, однако исходя из определений можно вести речь о рецепции права различных государств, о принятии принципов, институтов, основных черт иностранных правовых систем. Особенно это характерно для периода формирования и становления государств, когда у молодого государства отсутствуют нормы права, а есть только традиции, но политическая реальность требует большего, чем устные правила поведения. Кстати, при формировании правовой системы современного российского государства во многом была реципирована правовая система Российской империи, отдельные ее принципы, правовые институты и т. п.

Таким образом, этот способ формирования права может быть применен к заимствованию правовых норм из любых стран (правовых систем), что сейчас и происходит с отечественной правовой системой, вбирающей в себя нормы их различных право порядков. Однако, в настоящее время, рецепция воспринимается как заимствование культуры, менталитета и пр., благодаря чему можно относительно точно воспроизводить заимствованные нормы в правовом поле страны-реципиента для применения их в исконном значении и содержании.

Вместе с тем формирование законодательства молодого государства и нового правового института, отрасли права использовать рецепцию иностранного права в современном широком понимании невозможно (или даже нельзя), поскольку сама система права государства уже сформировалась и изменения ее основы, традиций и пр. будут болезненны. В связи с чем применяются иные формы привнесения норм в законодательство-реципиент, однако всегда ли эти методы эффективны, все ли они влекут формирование правовых систем, либо они отражают процесс развития отдельной правовой системы, либо отражают процесс внедрения лишь отдельных норм для решения сиюминутной задачи без широкого их использования в будущем, либо это синонимы «заимствования»?..

Итак, что же подразумевается под самим словом «заимствование». Наиболее емкое определение имеется лишь в лингвистических словарях: «Это неполное или неточное копирование слова или выражения из одного языка в другой» [54]. Также в лингвистике [52] это рассматривается как «переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков или сами элементы, перенесённые из одного языка в другой» как в устной форме, так и в письменной; «это процесс и/или результат введения в один язык какой-либо единицы, какого-либо явления из другого языка» [32], т. е. полное копирование из другого языка лексических единиц.

Другой подход к определению этого понятия основывается на том, что «заимствование это элемент языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесённый из одного в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [26]. Причем заимствование «происходит в результате их вторичного выделения из большего числа заимствованных слов», в результате приспособления «к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа». Эти же факторы характерны и для иной социальной области – права.

Таким образом, заимствование воспринимается либо как слепое копирование слов, норм права, поведенческих моделей и пр., либо как выделение наиболее подходящего слова, нормы права из большей части заимствований, которые наиболее приспособлены к новому языку, системе права. Однако в отношении правовой сферы заимствование все больше воспринимается не как копирование, а как приспособление заимствованного элемента в большей системе, т. е. как один из способов формирования правовой системы. При этом необходимо иметь в виду, что полностью заимствованные слова, нормы сохраняют следы своего иноязычного (иностранныго) происхождения и при воспроизведении сохраняют свой иноязычный облик, например «виндикация». И только после адаптации воспринимаются как заимствованные (иностраные) лишь при сохранении следов своего происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических, семантических и иных особенностей.

Другим способом формирования правовых систем, упоминающимся в связи с заимствованием, является адаптация (приспособление), которая наиболее распространена в естественнонаучных, биологических, медицинских, психологических и иных социальных науках. Применительно к рассматриваемой теме можно сказать, что адаптация в праве – это изменение правовых систем (норм права) под воздействием внешней среды, внешнеполитических процессов, внешних (международных) субъектов права. Причем в предыдущем способе формирования этот метод рассматривался как заимствование нормы путем воздействия на нее той правовой системы, в которую она включается. Но при рассмотрении адаптации уже как непосредственной формы она воспринимается и как воздействие внешней среды на норму, и как воздействие самой заимствованной нормы на правовую систему, в которую она включается. Так, «адаптация»[38] – изменение того, что поддается изменению, при столкновении с тем, что изменению не поддается. Т. е. получается, что в случае включения в национальное законодательство тех норм, которые еще не из-

менены, должна быть изменена либо сама правовая система, либо формулировка внедряемой нормы.

Поскольку правовая система тесно связана с правовой культурой и культурой социумов как таковой, то не лишним будет обратиться к этнокультурному аспекту адаптации, которую можно рассматривать как выбор адекватной стратегии поведения [9]. Применительно к правовому аспекту адаптацию можно определить как выбор адекватного (равнозначного) направления деятельности законодательных и правоприменительных органов и учреждений применительно к тем изменениям и целям изменений, которые происходят в правовой системе.

Также словари рассматривают адаптацию как: достижение соответствия между элементами среды (изменяемой правовой системы) и их способностью процветать в ней и эффективно функционировать [22]; вид взаимодействия среды и ее элементов, в ходе чего согласовываются требования и ожидания [50]. Применительно к рассмотрению отдельных способов формирования правовых систем можно сказать, что адаптация – способность внедренных норм права эффективно изменяться в правовой системе.

Возможным условием для адаптации является оптимальное сочетание адаптивной и адаптирующей деятельности, т. е. правильное определение того, насколько нужна адаптация. Ведь она рассматривается как освоение элементами среды того воздействия, которое оказывает сама среда с целью установления динамического равновесия [6; 18; 19; 29; 35; 36; 48; 49; 56]. Также адаптация рассматривается как поддержание основных параметров системы при изменении условий внешней и внутренней среды [30]. Есть и более упрощенный подход к пониманию адаптации – приравнивание, приспособление, переработка текста с целью его упрощения, сокращения для изучения текста (чаще всего иностранного) малоподготовленными читателями [31; 42]. Таким образом, адаптация воспринимается либо как переработка изучаемого материала для малоподготовленных потребителей, либо как изменение системы под воздействием внешней среды (внешнего воздействия), либо как изменение всей системы в связи с изменением ее отдельных элементов для установления динамического равновесия, либо как поддержка имеющихся основных параметров системы ввиду внутренних или внешних изменений.

Узкопрофильная юридическая словарная литература дает следующее определение адаптации: это приспособление действующих внутригосударственных правовых норм к новым международным обязательствам государства без каких-либо изменений в его законодательстве [16].

Синоним адаптации – приспособление – трактуется словарями следующим образом: «изменение в образе и способах действий, в структуре... с целью приведения их в соответствие с новыми условиями...» [51], «принятие индивидом или группой лиц культурных норм, ценностей и эталонов действий новой среды» [47]; «изменение... в деятельности... соответственно изменившимся внешним условиям» [33]; «стратегия поведения, реализующаяся в сглаживании противоречий» [53].

Таким образом, формирование правовой системы путем адаптации (приспособления) иностранных норм права в отечественное законодательство может рассматриваться как приспособление действующих норм права к новым международным обязательствам; достижение соответствия между существующей правовой системой

и теми правовыми нормами, которые вносятся из других правовых систем с тем, чтобы согласовывались ожидания и результаты.

Однако подчас любую форму заимствования правовой нормы из одной правовой системы в другую приравнивают к копированию. Связано это, прежде всего, со следующими определениями этой категории: создание одного или нескольких экземпляров вещи (текста) элементов системы [20; 21]; подражание или имитирование вещи [43]. Таким образом, эту форму воспринимают как полное и неадаптированное перенесение иностранных норм права из одной правовой системы в другую. Однако новые нормы права, включенные посредством копирования, не соответствуют целям реформирования правовой системы, поскольку оно должно основываться на сложившихся правовых традициях этой страны, в то время как копирование не учитывает этого. Исключения возможны лишь при целенаправленном копировании норм из иностранной системы права для урегулирования отдельных единичных случаев правоотношений, построенных на заимствованной норме.

Схожие с копированием формы заимствования – это внедрение, включение, присоединение, инкорпорирование. Однако в основном эти определения раскрываются друг через друга. Так, инкорпорация – включение чего-нибудь в состав чего-либо [23]; присоединение – включение во что-то, подключение, введение во что-то [44].

При формировании правовой системы также используют и одну обобщенную форму заимствования – упрощение [10]. Применительно к вопросу формирования правовых систем можно дать следующую трактовку этой формы – это изменение правовой нормы (правовой системы), делающее ее более простой, уменьшающее сложность ее содержания [10].

При этом при заимствовании иностранной нормы права в отечественную правовую систему в такой простой трактовке может быть и положительный результат по принципу: «чем проще, тем лучше». Упрощение может относиться и к самой правовой системе – упрощение правового регулирования, что при современных законодательских процессах, осложненном содержании правовых норм воспринимается положительно. Поэтому можно предположить, что данная форма заимствования должна следовать после того, как иностранная норма была воспринята, перенесена и прошла процедуру адаптации.

Также в процессе формирования правовых систем используется и такая форма, как принятие. Причем отдельного определения категории «принятие» в словарной литературе не встречается, а только лишь в связи с какими-либо процессами [10; 16; 28; 41; 57]. Но и из таких определений можно вычленишь ту трактовку, которая была бы применима к формированию права: принятие – согласие с нормой, с содержанием переносимой (заимствуемой) нормы права. Чаще всего это происходит в международных правоотношениях: «принятие международного договора – одна из форм выражения согласия государства на обязательность для него международного договора» [57]. В обобщенном же понимании «принятие» относится, прежде всего, к законодательному процессу, основанному на сиюминутных «заказах» отдельных правоприменителей. Хотя не всегда эти «заказы» воспринимаются отрицательно, особенно когда текст предложений детально выверен с национальным законодательством, учитывает правовую культуру и правовые традиции реформируемой правовой системы.

Однако, помимо указанных частных форм заимствования, используются еще и формы сближения права: унификация [11; 40] и гармонизация [39]. Основное их отличие заключается в следующем.

Гармонизация – это согласование элементов, составляющих единую систему (к примеру, согласование норм права, изначально содержащихся и внедренных в правовую систему); обеспечение взаимного соответствия всех элементов; внесение в нормативные акты реформируемой правовой системы изменений на основе соглашений между государствами с целью сделать их более совместимыми с аналогичными нормами других государств.

Унификация же представляет собой процесс приведения к единообразной системе или форме; выработка таких правовых норм, которые единообразно регулируют определенные виды правоотношений; устранение излишнего многообразия; приведение к однотипности, к единой форме документов, норм и т. д. Данная форма сближения характерна для государств, тесно сотрудничающих между собой, создающих надгосударственные союзы в одних сферах правоотношений (Таможенный союз, Евросоюз и пр.) с однотипным законодательством. В то время как гармонизация лишь создает предпосылки для этого однообразия; это лишь процесс согласования правового регулирования в сферах тесного сотрудничества между государствами.

На основе рассмотренных способов формирования правовых систем, по нашему мнению, наиболее эффективными из них являются рецепция и адаптация как самостоятельные способы, так и в совокупности с другими. Унификация и гармонизация же являются лишь отголосками современного этапа развития права в мире, когда требуется согласование не правовых систем, а отдельных отраслей и институтов, и выступают лишь как способы сближения отдельных правовых систем, а не как способы их формирования.

В заключение продемонстрируем, как неэффективно могут быть включены нормы без учета традиций и сформировавшихся подходов, и как быстро то изменение в законодательство, к которому готов правоприменитель.

К примеру, одним из предложений является совместное завещание супругов [34], что, исходя из названия, предполагает урегулирование в одном документе – завещании – волю каждого из супругов на случай смерти в целях экономии времени, а может быть и финансовых средств на оплату тарифов. Это может быть рассмотрено как положительное явление в нашу эпоху перемен, но с учетом уже сформировавшихся представлений завещателей о процедуре оформления их последней воли, а именно – о свободе завещания. Однако окончательный вариант изменений, отраженный в кодексе (и вступающий в силу с 01.09.2018 [3]) подразумевает лишь присутствие второго супруга при составлении завещания первым супругом. Таким образом, вводится исключение в соблюдении правила о тайне завещания при наличии особого субъектного состава в момент составления завещания – супругов, и только для них: «Завещание каждого из супругов нотариус вправе удостоверить в присутствии обоих супругов» (ч. 4 ст. 1123 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1]).

В отношении же совместных завещаний иных лиц современное законодательство еще не сформировало подходы регулирования, которые прежде всего должны разрешать вопрос о возложении обязанности на со-завещателя при вступлении в

силу завещания. Ведь если последняя воля со-завещателей не предусматривает возложение таких обязанностей, то смысла в этом акте нет, а если обязывает – то такое распоряжение ограничит свободу завещательных распоряжений. Ведь основной смысл такого совместного волеизъявления – взаимонаправленная и единая воля со-завещателей, которая не должна изменяться, а если меняется, то необходимо заново оформлять совместную последнюю волю.

Если основываться на сохранении совместных завещаний в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, то законодатель пошел на этот шаг ввиду уже существовавшей на этой территории практики удостоверения этих сделок. При этом закрепил возможность отмены совместного завещания каждым из супругов в любое время жизни обоих супругов, которая (возможность отмены) исчезает после смерти одно из них либо в результате расторжения брака (ч. 4 и 6 ст. 11 Закона о введении в действие части третьей ГК РФ) [3]. Представляется, что законодатель ввел промежуточную форму между тем, что существует в других юрисдикциях, и тем, что в отечественном законодательстве все еще сохраняется отношение к завещанию как единоличному волеизъявлению; в результате: «Завещание каждого из супругов нотариус вправе удостоверить в присутствии обоих супругов» (часть четвертая статьи 1123 ГК РФ, вступающая в силу с 01.09.2018 [3]). Т. е. это еще и не совместное завещание, но уже первый шаг к завуалированному контролю воли другого супруга при составлении им завещания, что неприемлемо для нашего сегодняшнего отношения к завещанию как личному, автономному и тайному волеизъявлению¹.

Итак, чем же нас, в конце концов, хотят «одарить»: совместное завещание, которое может составляться только супругами, определяет «последствия смерти» каждого супруга при невозможности изменения положений завещания после смерти одного из них, тем самым, возможно, вводя его в «обязательную кабалу» в соответствии с условиями завещания. Но в случае отсутствия жестких условий для второго супруга представляется, что законодатель фактически сформулировал инструмент для распоряжения имущественными интересами одного из супругов под условием смерти другого супруга. Но нужен ли обществу такой инструмент? И если нужен, то зачем? Как видно, вводя новую правовую конструкцию для разрешения очень редких ситуаций (одновременная смерть супругов), законодатель не учел интересы остальных возможных участников наследственных правоотношений.

Отсылка к аналогичным иностранным правовым институтам также не имеет выходов, поскольку там взаимные завещания – это, по сути, просто два отдельных завещания, которые в силу соглашения сторон взаимно безотзывны. На наш взгляд, императивный запрет на одностороннюю отмену своей последней воли представляется чересчур суровым средством защиты достигнутых между супругами договоренностей. Мотивом составления совместного завещания является близость супругов, а не экономический расчет. Однако взгляды и намерения супругов с течением

¹ Хотя, как показал шестилетний опыт работы автора в нотариальной конторе (от специалиста до исполняющего обязанности нотариуса), завещатели очень редко, примерно в 30 % случаев не сообщают родным о составлении завещания. А в остальных случаях приходят в нотариальную контору в их сопровождении и не присутствуют только лишь при непосредственной процедуре оформления воли завещателя: начиная с выяснения воли и заканчивая подписанием документа. А вот уже сам документ завещатели передают наследнику с наказом: «Вот, держи. Не потеряй».

жизни могут меняться. И совсем не обязательно, чтобы брак при этом прекращался. Поэтому любой супруг вправе заявить об отмене своих завещательных распоряжений. Отмена, сделанная одним супругом, приводит к утрате силы обусловленных завещательных распоряжений второго супруга. После смерти одного из супругов связанность становится более серьезной. Переживший супруг утрачивает возможность отменить свои завещательные распоряжения. Таким образом, для нашей правовой традиции необходимо сохранить принцип свободы завещания с возможностью доведения до второго супруга уведомления (распоряжения) об отмене завещания.

Но зачем вводить такие изменения, которые по сути только разрушают устоявшиеся в веках принципы, если все остальные особенности этого института не применяются.

Так, если взять нашего самого ближайшего соседа – Украину – то в этой юрисдикции допускается составление совместного завещания супругами в отношении только совместного имущества (п. 1 ст. 1243 Гражданского кодекса Украины) с целью перехода права собственности на такое имущество от умершего супруга к пережившему. И только после смерти последнего все совместно нажитое имущество супругов получают те наследники, которые указаны в совместном завещании. При этом украинский законодатель оставляет каждому из со-завещателей право на отказ от общего завещания путем нотариального удостоверения этого волеизъявления².

Для наследственного права другой бывшей советской республики – Латвии – характерна реставрация досоветского гражданского законодательства, основанного на германской доктрине, которая рассматривает этот институт со времен Баварских уложений 1703 года. В связи с таким противопоставлением советского (российского) и латвийского (досоветского) не удивительно, что совместные завещания в Латвии стали общим правилом, причем любое завещание, в котором в виде одного совместного акта двое или более лиц взаимно назначают себя наследниками один после другого, называется взаимным (ст. 604 Гражданского закона Латвийской Республики (далее – ГЗ ЛР) [4]). Кроме этого, совместное завещание априори считается односторонним, если содержание не свидетельствует о взаимных правах и обязанностях, что говорит о наследственном оговоре. Получается, что латвийское наследственное право выделяет односторонне совместное завещание и двусторонне совместное завещание – наследственный договор (или: односторонне и взаимное волеизъявление соответственно). Такое подразделение необходимо для определения возможностей отмены. Так, если это односторонне совместное завещание, то оно может быть отменено каждым из завещателей в одностороннем порядке (ст. 606 ГЗ ЛР). Во втором случае невозможно в одностороннем порядке его отменить, только лишь при двустороннем волеизъявлении, т. е. – новое соглашение.

Таким образом, не предусматривается обязательный особый субъектный состав – супруги; предусмотрена возможность отмены в одностороннем порядке такого завещания с сохранением действительности распоряжений других завещателей (ст. 606 ГЗ ЛР); при корреспективности совместного завещания (т. е. указание одно-

²Представляется, что это аналог российского распоряжения об отмене завещания, который оформляется у любого нотариуса и направляется тому нотариусу, который удостоверил отменяемое завещание и в Реестр завещаний.

го супруга (лица) наследником совершается под условием необходимости существования и действительности назначения наследником другого супруга (лица), так что одно назначение может иметь или не иметь силу только вместе с другим. Т. е. каждый из со-завещателей одновременно является наследником своего супруга (второго завещателя)³). Отмена распоряжения одним из завещателей полностью отменяет распоряжение другого. За исключением случая, если второй супруг (со-завещатель) пожелал оставить свое распоряжение в силе.

Интересным является случай погашения завещательного распоряжения в корреспективном завещании, если пережившему в завещании назначено имущество умершего и он принимает наследство. Таким образом, он приобретает право свободно распоряжаться всем имуществом, то есть как своим, так и полученным по завещанию (ст. 610 ГЗ ЛР). Представляется, что это может повлечь негативные мотивы при составлении подобных завещаний, ведь после смерти одного из завещателей вторая часть завещания прекращается ввиду смерти назначенного наследника.

При этом представляется, что возможна утрата силы совместного завещания, если переживший супруг составит новое завещание после смерти другого супруга. Это предусматривается в юрисдикциях некоторых соседних государств (Грузии, Туркменистана, Азербайджана и др.). Так, ст. 1169 Гражданского кодекса Республики Азербайджан установлено, что по требованию супруга совместное завещание может быть отменено, но при жизни обоих супругов [5].

Вместе с тем исследователи отмечают, что в странах, где уже довольно давно действует этот институт, он не пользуется такой популярностью, которую подразумевают разработчики. К примеру, в немецком гражданском праве этот институт превращается в кабалу, если умрет один из супругов – завещателей совместного завещания, а второй супруг получит пожизненное ограничение в распоряжении завещанным имуществом [17], которое со-завещателями завещано третьему лицу (лицам). А если было завещано все имущество, находящееся в собственности со-завещателей как на момент составления завещания, так и приобретенное позднее, то возможности изменения завещания исчезли в момент смерти супруга со-завещателя. Однако в качестве положительной стороны используется пример с возможностью обеспечения прав детей от их первого брака каждого из этих супругов со-завещателей, чем исключается общепринятая и привычная в отечественном порядке свобода завещания. И опять возвращаемся к первому посылу нашей статьи – интересы большинства ущемляются в интересах меньшинства.

В настоящее время все же формулировка о совместном завещании сохраняется только в отношении территории Крыма, а в отношении остальной части Российской Федерации используется лишь формулировка о возможности удостоверения завещания в присутствии обоих супругов, в то время как для коллективных завещаний в отечественном наследственном праве сохраняется запрет.

³Указание наследником своего супруга является распространенным волеизъявлением в российской нотариальной практике, но, повторимся, в отдельных, личных, самостоятельных завещаниях каждого из супругов, выразивших свою волю при соблюдении тайны завещательного распоряжения. Таким образом, можно сказать, что и в российской практике имеется практика составления завещаний, обладающих относительным признаком корреспективности, но в отдельных завещательных распоряжениях.

Соответственно в той форме, в которой используется этот институт в зарубежных странах, в российском гражданском законодательстве он не введен, при этом положительные или отрицательные стороны примеряются лишь к ограниченному перечню ситуаций – наличие второго брака на момент составления завещания (и наличие детей от первого брака), вступление в последующий брак и т. д. При этом исследователи [7, с. 236] предлагают ввиду сохранения риска недобросовестного поведения пережившего супруга, который может отменить совместное путем составления нового, необходимость специальной нормы о праве распоряжения только личным имуществом или имуществом, не упомянутым в совместном завещании, либо право составления нового завещания лишь в той части, в которой оно не противоречит ранее составленному совместному завещанию. Т. е. предлагают урегулировать случаи меньшинства, в то время как может пострадать большинство, живущее по исконным семейным традициям.

Вместе с тем нововведениями в отечественное гражданское право весьма интересно урегулирован вопрос об определении опекуна (попечителя) совместным завещанием. Законодатель изменил правила назначения опекуна (попечителя) путем составления обоими родителями совместного завещания в части защиты интересов несовершеннолетних детей [2]. Тем самым сделана попытка прекратить назначать в качестве опекуна (попечителя) государственным органом тех лиц, которые хотя и соответствуют этому статусу по профессиональным качествам, но не по личным. Таким образом, изменениями в Закон «Об опеке и попечительстве» [2] установлено, что единственный родитель несовершеннолетнего или оба родителя, если они умрут одновременно, мог(ут) назначить на случай своей смерти опекуна (попечителя). Таким образом, они – родители, а не государственный орган, который не знает личность ребенка, его интересы, страхи и т. д., могли заранее определить будущего законного представителя. Это особенно актуально, если родитель неизлечимо болен или родители знают о риске для своей жизни (в связи с работой или иной жизненной ситуацией). Осуществляется это определение путем подачи в органы опеки и попечительства по месту жительства ребенка заявления одного из родителей совместного заявления родителей или заявления единственного родителя.

Таким образом, данный блок изменений в гражданское законодательство представляется более обдуманым, предсказуемым и отвечающим на животрепещущие запросы общества. Таким образом, законодатель определил более четкие основания для защиты интересов детей, в т. ч. и их прав наследования. Ведь определять, оформлять, защищать и т. д. интересы ребенка в этой сфере будет не кто-то посторонний, назначенный «бездушным» государственным органом, а лицо, которого знал(и) родитель(ли).

Наши предки подходили более ответственно к процессу формирования или реформирования законодательства. Формирование древнерусского наследственного права шло независимо от византийского, однако тесное взаимодействие этих стран оказывало влияние на изменение законодательства в ее «мягкой» форме. Уже при составлении Соборного уложения 1649 года нормы византийского права были включены наравне с нормами иных право порядков. В частности – нормы Литовского статута 1588 г., которые претерпели значительную переработку, «в результате ее нормам литовского права придавалась большая определенность, конкретность содержания, а зачастую и иной смысл» [46, с. 18]. Из норм «градских законов» (визан-

тийские правовые акты) также происходили отдельные нормы Соборного уложения, и именно – происходили, а не полностью были включены в неизменном содержании. Отдельные фрагменты норм этого правопорядка – византийского юридическо-го сборника 70-х гг. IX в. (Прохирион) – неизменно включались в различные номо-каноны, которые затем применялись в древнерусском каноническом праве, а также в отдельных нормах уголовного права.

Однако по указу царя Алексея Михайловича «заимствование норм византийского права при составлении этого сборника носило весьма ограниченный характер: в его содержание переносились не все нормы, но лишь некоторые из них – те, которые были приемлемы (пристойны) к условиям русского общества... Так что, несмотря на множество заимствований в него из иностранных источников, оно осталось, все-таки, вполне национальным кодексом, переработавшим чужой материал по духу старо-московского права, и не сделалось рабскою компиляцией права иноземного» [8, с. 22].

Таким образом, Соборное уложение как первый кодифицированный закон после Смуты и установления новой династии воспроизводило заимствованные нормы в упрощенном их «звучании» и в упрощенном варианте. «Подобные упрощения норм византийского права при включении их в текст Соборного уложения 1649 года были особенно характерны для предписаний, регулировавших гражданско-правовые отношения» [46, с. 23], в частности – нормы о наследовании.

Итогом многолетней деятельности по составлению этого Уложения стала не только кодифицированная компиляция судебников 1497 и 1550 гг., царских указов и боярских приговоров, Статута Великого княжества Литовского 1588 г., византийского сборника «Прохирион», Стоглава и иных правовых памятников, но и значительная редакторская работа над этими заимствованными нормами. Результатом стало редактирование заимствованных норм до такой степени, что они стали выражать исконно русские правовые воззрения и стилистически понятны основной массе населения. Таким образом, если в текст Уложения 1649 года и вошли основы византийского права, то только те, которые уже были усвоены народным сознанием. Соответственно, опять возвращаемся к тому, что заимствование было осуществлено не в виде обычного копирования, а путем строго определенного выбора и дальнейшей переработки.

Из рассмотренных способов формирования правовых систем, по нашему мнению, наиболее эффективными являются рецепция и адаптация как самостоятельные способы, так и в совокупности с другими.

Этими другими являются из наиболее распространенных и нами рассмотренных: **заимствование** (неполное или неточное копирование слова или выражения из одного языка в другой; слепое копирование слов, норм права, поведенческих моделей и пр., либо как выделение наиболее подходящего слова, нормы права из большей части заимствований, которые наиболее приспособлены к новому языку, системе права); **копирование** (создание одного или нескольких экземпляров вещи (текста) элементов системы; скопированные нормы не учитывают сложившиеся правовые традиции); **внедрение, включение, присоединение, инкорпорирование, упрощение** (изменение правовой нормы, делающее ее более простой, уменьшающее сложность ее содержания); **адаптация** (это изменение правовых систем (норм права) под воздействием внешней среды, внешнеполитических процессов, внешних

(международных) субъектов права; это приспособление действующих внутригосударственных правовых норм к новым международным обязательствам государства без каких-либо изменений в его законодательстве.); **приспособление** (изменение в деятельности соответственно изменившимся внешним условиям); **рецепция** (восприятие, усвоение, принятие или приспособление к национальной правовой системе иностранных социальных, культурных, правовых форм; восприятие (принятие) в национальную правовую систему принципов, институтов, основных черт другой национальной правовой системы).

Унификация и **гармонизация** же являются лишь отголосками современного этапа развития права в мире, когда требуется согласование не правовых систем, а отдельных отраслей и институтов, и выступают лишь как способы сближения отдельных правовых систем, а не как способы их формирования.

Причем автор выделяет, что даже для такого «полного» способа, как рецепция необходимо подходить взвешено, поскольку для безболезненного изменения законодательства, а вместе с ним – права и правовой культуры, необходимо, чтобы включаемые нормы (правила) были усвоены народным сознанием и не находились в противоречии с действительной жизнью, с ее практикой. А для этого необходимо время и никакой спешки.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Российская газета от 28.11.2001 № 233; официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 28.03.2017.
2. Федеральный закон от 29.07.2017 № 220-ФЗ «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона "Об опеке и попечительстве" в части защиты интересов несовершеннолетнего ребенка» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.07.2017.
3. Федеральный закон от 26.11.2001 № 147-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 28.11.2001 № 233; официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 26.07.2017.
4. Гражданский закон Латвийской Республики // СПС Консультант Плюс.
5. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики // СПС Консультант Плюс.
6. Алексеева Т. И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (биологические аспекты): курс лекций. – М: МНЭПУ, 1998.
7. Алексикова О. Е., Мельник Е. А. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. – № 1. Том 12. – С. 231–236.
8. Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. – М., 1917. – С. 196–197. / Цит. По: Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2011. – С. 22.
9. Берри, Дж. В. Кросс-культурная психология: исследования и применение / Дж. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен; пер. с англ. под науч. ред. Л. В. Винокурова, и др. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
10. Бизнес. Толковый словарь / Общ. ред.: д. э. н. Осадчая И.М. – М.: ИНФРА-М: Весь мир, 1998.
11. Большая советская энциклопедия / Глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Сов. энциклопедия, 1969.
12. Большая советская энциклопедия. Т. 22. 3-е изд. – М., 1975.
13. Большой словарь иностранных слов. – Москва: «ИДДК», 2007.
14. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существительных; идеографическое описание; синонимы; антонимы / общ. ред. Л.Г. Бабенко. – 2-е изд., стереотип. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2007.
15. Большой толковый словарь современного русского языка. – М. Буколика, 2008.
16. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарёва, В. Е. Крутского. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003.
17. Борзенко Б. А. Совместно завещание // Нотариальный вестник. – 2015. – № 11. – С. 51–53.

18. Верещагин В. Ю. Философские проблемы теории адаптации человека – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988.
19. Гирусов Э. В. Основы социальной экологии: Учебное пособие. – М.: РУДН, 1998.
20. ГОСТ 13699-91: Запись и воспроизведение информации. Термины и определения; Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/>
21. ГОСТ Р ИСО/МЭК 2382-23-2004: Информационная технология. Словарь. Часть 23. Обработка текста [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/>
22. Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь / Кишинев: Гл. ред. Молд. сов. энцикл., 1989.
23. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – Москва: ЭТС, 2010.
24. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000.
25. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – Москва: Рус. яз., 1998.
26. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
27. Мантуров В. В. Соотношение рецепции и иных форм правовых заимствований // Вопросы международного права и сравнительного правоведения. – 2012. – № 4. – С. 104–107.
28. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. Правлением ФНП 28.02.2006 // Нотариальный вестник. – № 5. – 2006.
29. Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии); АН АрмССР, Ин-т философии и права. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988.
30. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; Науч.-ред. совет.: В.С. Степин [и др.]. – М.: Мысль, 2000.
31. Новейший словарь иностранных слов: А–Я / [авт.-сост. Е. А. Окунцова]. – 2-е изд., испр. – Москва: Айрис-пресс, 2009.
32. Панькин В. М. Языковые контакты: Краткий словарь. – Москва: Флинта: Наука, 2011.
33. Политический словарь: краткое научно-популярное толкование слов/ под общей редакцией Б. М. Эльцина. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва; Ленинград: Красная Новь; 1924.
34. Проект федерального закона № 398234-6 «О нотариате и нотариальной деятельности». Проект закона о нотариате с пояснениями / А. Г. Архипова и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут. 2013. – 216 с.
35. Прохоров Б. Б. Экология человека: Понятийно-терминологический словарь. Междунар. независимый экол.-политол. ун-т. – Москва: Изд-во МНЭПУ, 1999.
36. Психология адаптации личности / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов; Регион. лечеб.-диагност. мед. центр «Бехтерев», Благотвор. некоммер. фонд «Здоровое будущее». – СПб.: Мед. прессы, 2002.
37. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото; науч. ред. пер. на рус. яз. А. С. Кармин. – М. [и др.]: Питер, 2003.
38. Психология общения: энциклопедический словарь / Учреждение Российской акад. образования Психологический ин-т; под общ. ред. А. А. Бодалева. – Москва: Когито-Центр, 2011.
39. Р 50.1.041-2002: Информационные технологии. Руководство по проектированию профилей среды открытой системы (СОС) организации-пользователя. Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/>
40. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1999.
41. Словари и энциклопедии на Академик // Официальная терминология. Академик.ру. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://official.academic.ru>.
42. Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – Москва: Эксмо, 2006.
43. Словарь русских синонимов. Контекст 5.0 – Информатик, 2012.
44. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. З. Е. Александрова. – 17-е изд., стер. – Москва: Дрофа: Рус. яз. Медиа, 2010.
45. Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации. Academic.ru. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://normative_reference_dictionary.academic.ru.
46. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2011. 440 с.
47. Социологический словарь ИАЦ "SOCIUM" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socium.info/dict.html>
48. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М.: Гардарики, 2006.
49. Философские проблемы теории адаптации / ред. Г. И. Царегородцев. – Москва: Мысль, 1975.
50. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

51. Экономика и право: словарь-справочник / [авт.-сост.: Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков]. – М. : Вуз и шк., 2004.
52. Энциклопедический словарь / О. Хеффе, В. С. Малахов (ред.) – М.: Культурная Революция, 2009.
53. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru.
54. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон – М., 1993.
55. Энциклопедический юридический словарь. М., 1999.
56. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Российская акад. наук, Ин-т философии РАН; [редкол.: И. Т. Касавин (гл. ред. и сост.) и др.]. – Москва: Канон+, 2009.
57. Юридическая энциклопедия / [Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.]. – [4-е изд.]. – М.: Тихомиров, 1997.
58. Юридический словарь. М., 1953.

Akhrameeva O.V. Etimological analysis of reception and other forms of borrowing and their relationship (in the light of reform of heritage) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – Т. 3 (69). № 3. – P. 183–199.

The constant reform of legislation is based on the use of both modern foreign legislation and the achievements of pre-revolutionary and Soviet legal thought. However, how exactly does this use happen: is the law of interest completely transferred or changed? The main emphasis is made by the author on classical, often used form of borrowing in legal doctrine - reception. However, by conducting a comparative etymological analysis of this category, the history of its origin and the semantics of this concept, the author comes to the conclusion that the content initially contained in the reception does not correspond to modern forms of borrowing. In this connection, it compares these forms and suggests a sequence of forms of borrowing from a less substantial to a more substantial form, which reflects the current content of the processes of transferring foreign norms inherent in them to the recipient legislation. In addition to etymological and semantic analysis, the author draws attention to the fact that the most effective is only the way that takes into account the formation of the traditional legal tradition and culture and does not contradict them. This is confirmed by an analysis of the latest reform of the national inheritance law.

Key words: borrowing, reception, introduction, adoption, adaptation, perception, reproduction, adaptation, copying, unification, harmonization, inheritance.

Spisok literaturyi

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast tretya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 28.03.2017) // Rossiyskaya gazeta ot 28.11.2001 № 233; ofitsialnyiy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru> - 28.03.2017.
2. Federalnyiy zakon ot 29.07.2017 № 220-FZ "O vnesenii izmeneniya v statyu 13 Federalnogo zakona "Ob opeke i popечitelstve" v chasti zaschityi interesov nesovershennoletnego rebenka" // Ofitsialnyiy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>, 30.07.2017.
3. Federalnyiy zakon ot 26.11.2001 № 147-FZ (red. ot 26.07.2017) "O vvedenii v deystvie chasti tretey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" // Rossiyskaya gazeta ot 28.11.2001 # 233; ofitsialnyiy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru> - 26.07.2017.
4. Grazhdanskiy zakon Latviyskoy Respubliki // SPS Konsultant Plyus.
5. Grazhdanskiy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki // SPS Konsultant Plyus.
6. Alekseeva T. I. Adaptatsiya cheloveka v razlichnykh ekologicheskikh nishah Zemli (biologicheskie aspekty): kurs lektsiy. M: MNEPU, 1998.
7. Aleksikova O. E., Melnik E. A. Perspektivy razvitiya institutov nasledstvennogo dogovora i sovmestnogo zaveschaniya suprugov v rossiyskom nasledstvennom prave // Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk. 2017. # 1. Tom 12. S. 231-236.
8. Benemanskiy M. I. Zakon gradskiy. Znachenie ego v russkom prava. M., 1917. S. 196–197. / Tsit. Po: Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Zakonodatelstvo tsarya Alekseya Mihaylovicha / Sostavitel, avtor predisloviya i vstupidelnykh statey V. A. Tomsinov. M.: Zertsalo, 2011. S. 22.
9. Berri, Dzh. V. Kross - kulturnaya psihologiya: issledovaniya i primenenie /Dzh. V. Berri, A. H. Purtinga, M. H. Sigall, P. R. Dasen; Per. s angl. pod nauch. red. L.V. Vinokurova, i dr. – Harkov: Gumanitarnyy tsentr, 2007.
10. Biznes. Tolkovyy slovar / Obsch. red.: d. e. n. Osadchaya I.M. – М.: INFRA-M: Ves mir, 1998.
11. Bolshaya sovetzkaya entsiklopediya / Glav. red. A. M. Prohorov. - 3-e izd. Moskva: Sov. entsiklopediya, 1969.

12. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. T. 22. 3-e izd. M., 1975.
13. Bolshoy slovar inostrannykh slov. Izdatelstvo «IDDK», 2007.
14. Bolshoy tolkovyy slovar russkikh suschestvitelnykh: svyishe 15 000 imen suschestvitelnykh; ideograficheskoe opisaniye; sinonimy; antonimy / obsch. red. L.G. Babenko. – [2-e izd., stereotip.]. M.: AST-Press Kniga, 2007.
15. Bolshoy tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka. – M. Bukolika, 2008.
16. Bolshoy yuridicheskiy slovar / Pod red. A.Ya. SuharYova, V.E. Krutskogo. - 2-e izd., pererab. i dop. - M.: INFRA-M, 2003.
17. Borzenko B. A. Sovmestno zaveschaniye // Notarialnyy vestnik'. 2015. №11. S.51–53.
18. Vereschagin, V. Yu. Filosofskie problemy teorii adaptatsii cheloveka - Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1988.
19. Girusov E.V. Osnovny sotsialnoy ekologii: Uchebnoye posobie. - M.: RUDN, 1998.
20. GOST 13699-91: Zapis i vosproizvedeniye informatsii. Terminy i opredeleniya; Slovar-spravochnik terminov normativno-tehnicheskoy dokumentatsii [Elektronnyy resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/>
21. GOST R ISO/MEK 2382-23-2004: Informatsionnaya tehnologiya. Slovar. Chast 23. Obrabotka teksta [Elektronnyy resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/>
22. Dedyu I. I. Ekologicheskyy entsiklopedicheskiy slovar / Kishinev: Gl. red. Mold. sov. entsikl., 1989.
23. Epishkin N. I. Istoricheskiy slovar gallitsizmov russkogo yazyka. – Moskva: ETS, 2010.
24. Efremova T. F. Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy. – M. : Rus. yaz., 2000.
25. Kryisin L. P. Tolkovyy slovar inoyazychnykh slov. – Moskva: Rus. yaz., 1998.
26. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. V. N. Yartseva. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.
27. Manturov V. V. Sootnosheniye retseptsii i inykh form pravovykh zaimstvovaniy // Voprosy mezhdunarodnogo prava i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2012. № 4. S. 104-107
28. Metodicheskie rekomendatsii po oformleniyu nasledstvennykh prav, utv. Pravleniem FNP 28.02.2006 // Notarialnyy vestnik. – 5. 2006.
29. Nalchadzhyan A. A. Sotsialno-psihologicheskaya adaptatsiya lichnosti: (Formy, mehanizmy i strategii); AN ArmSSR, In-t filosofii i prava. – Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1988.
30. Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. / In-t filosofii Ros. akad. nauk, Nats. obschestv.-nauch. fond; Nauch.-red. sovet.: V.S. Stepin [i dr.]. – M.: Myisl, 2000.
31. Noveyshiy slovar inostrannykh slov: A – Ya / [avt.-sost. E. A. Okuntsova]. – 2-e izd., ispr. – Moskva: Ayris-press, 2009.
32. Pankin V. M. Yazykovyye kontakty: Kratkiy slovar. – Moskva: Flinta: Nauka, 2011.
33. Politicheskiy slovar: kratkoye nauchno-populyarnoye tolkovaniye slov/ pod obschey redaktsiyey B. M. Eltsina. - 2-e izd., dop. i ispr. – Moskva; Leningrad: Krasnaya Nov; 1924.
34. Proekt federal'nogo zakona № 398234-6 «O notariate i notarialnoy deyatel'nosti». Proekt zakona o notariate s poyasneniyami / [A.G. Arhipova i dr.]; pod red. P.V. Krashennnikova. M.: Statut. 2013. 216 s.
35. Prohorov B. B. Ekologiya cheloveka: Ponyatiyno-terminol. slovar. Mezhdunar. nezavisimyy ekol.-politol. un-t. – Moskva: Izd-vo MNEPU, 1999.
36. Psihologiya adaptatsii lichnosti // A.A. Rean, A.R. Kudashev, A.A. Baranov; Region. lecheb.-diagnost. med. tsentr "Behterev", Blagotvor. nekommer. fond «Zdorovoye buduschee». – SPb. : Med. pressa, 2002.
37. Psihologiya i kultura / Pod red. D. Matsumoto; Nauch. red. per. na rus. yaz. A. S. Karmin. – M. [i dr.]: Piter, 2003.
38. Psihologiya obscheniya: entsiklopedicheskiy slovar / Uchrezhdeniye Rossiyskoy akad. obrazovaniya Psihologicheskyy in-t; pod obsch. red. A. A. Bodaleva. - Moskva: Kogito-Tsentr, 2011.
39. R 50.1.041-2002: Informatsionnyye tehnologii. Rukovodstvo po proektirovaniyu profiley sredi otкрытой sistemy (SOS) organizatsii-polzovatelya. Slovar-spravochnik terminov normativno-tehnicheskoy dokumentatsii. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/>
40. Rayzberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. Sovremennyiy ekonomicheskyy slovar. - M.: INFRA-M, 1999.

41. Slovarei i entsiklopedii na Akademike // Ofitsialnaya terminologiya. Akademik.ru. 2012. [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://official.academic.ru>.
42. Slovar inostrannyih slov: [bolee 4500 slov i vyirazheniy] / N.G. Komlev. – Moskva: Eksmo, 2006.
43. Slovar russkih sinonimov. Kontekst 5.0 – Informatik, 2012.
44. Slovar sinonimov russkogo yazyika: prakticheskiy spravochnik: Z. E. Aleksandrova. – 17-e izd., ster. – Moskva: Drofa: Rus. yaz. Media, 2010.
45. Slovar-spravochnik terminov normativno-tehnicheskoy dokumentatsii. Academic.ru. 2015. [Elektronnyiy resurs]. URL: https://normative_reference_dictionary.academic.ru.
46. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Zakonodatelstvo tsarya Alekseya Mihaylovicha / Sostavitel, avtor predisloviya i vstupitelnyih statey V. A. Tomsinov. M.: Zertsalo, 2011. 440 s.
47. Sotsiologicheskii slovar IATs "SOCIUM" [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://www.socium.info/dict.html>
48. StYopin B.C. Filosofiya nauki. Obschie problemy: uchebnik dlya aspirantov i soiskateley uchenoy stepeni kandidata nauk. - M.: Gardariki, 2006.
49. Filosofskie problemy teorii adaptatsii / red. G.I. Tsaregorodtsev. – Moskva: Myisl, 1975.
50. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. L. F. Ilichev i dr. – Moskva: Sov. entsiklopediya, 1983. - 839 s.
51. Ekonomika i pravo: slovar-spravochnik / [avt.-sost.: L. P. Kurakov, V. L. Kurakov, A. L. Kurakov]. – M. : Vuz i shk., 2004.
52. Entsiklopedicheskiy slovar / O. Heffe, V.S. Malahov (red.) – M.: Kulturnaya Revolyutsiya, 2009.
53. Entsiklopedicheskiy slovar po psikhologii i pedagogike [Elektronnyiy resurs]. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru.
54. Entsiklopedicheskiy slovar. Brokgauz i Efron – M., 1993.
55. Entsiklopedicheskiy yuridicheskiy slovar. M., 1999.
56. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki / Rossiyskaya akad. nauk, In-t filosofii RAN; [redkol.: I. T. Kasavin (gl. red. i sost.) i dr.]. – Moskva: Kanon , 2009.
57. Yuridicheskaya entsiklopediya / [Tihomirova L. V., Tihomirov M. Yu.]. – [4-e izd.]. – M.: Tihomirov, 1997.
58. Yuridicheskiy slovar. M., 1953.